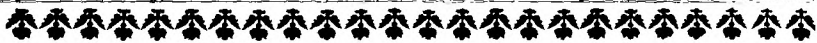

Иларіон (Троицкій), архим. Из академической жизни: [Пострижение в монашество студента Московской Духовной Академии Руднева и речь новому иноку Петру]. // Богословский вестник 1915. Т. 2. № 7/8. С. 644–648 (1-я пагин.).

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Постриженіе въ монашество.

Въ періодъ лѣтняго затишья академической жизни въ стѣнахъ Академіи остаются почти одни монахи, поддерживающіе ради многихъ богомольцевъ академическаго храма богослуженіе. 30-го іюня семья академическихъ иноковъ получила новаго брата: въ этотъ день въ Зосимовой пустыни постриженъ былъ въ монашество студентъ 4-го курса Николай Николаевичъ Рудневъ, уроженецъ московской епархіи. Еще полтора года назадъ, 4-го января 1914 года, Рудневъ былъ облеченъ въ рясофоръ и проходилъ нелегкое послушаніе чтеца и канонарха въ академическомъ храмѣ. Уже по переходѣ на послѣдній курсъ Академіи онъ рѣшилъ „облечься во вся оружія Божія“.

Въ день пострига академическіе монахи вмѣстѣ съ нѣкоторыми ранѣ учившимися въ Академіи монахами отправились въ отдаленную пустынь, которая въ это время была пустынной и внутри, такъ какъ братія находилась на работѣ. Постриженіе совершено было послѣ вечерни, при немногихъ богомольцахъ, инспекторомъ Академіи архимандритомъ Иларіономъ. Новый инокъ названъ Петромъ.

Въ день преп. Сергія 5-го іюля монахъ Петръ былъ посвященъ въ санъ іеродіакона членомъ Святѣйшаго Синода и Государственнаго Совѣта Архіепископомъ Никономъ при служеніи въ трапезномъ храмѣ Троице-Сергіевой Лавры.

Послѣ пострига о. архим. Иларіонъ вручилъ молодого инока для духовнаго руководства іеромонаху Досіею и привѣтствовалъ его слѣдующей рѣчью.

Рѣчь о. архимандрита Иларіона.

Возлюбленный братъ, инокъ Петръ!

Судилъ Господь мнѣ грѣшному и недостойному совершить надъ тобою священнодѣйствіе постриженія. Уповаю, что по молитвамъ братіи нашей и братіи сей святой обители Господь не возбранитъ грѣховъ моихъ ради Своей благодати, немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей, придти на тебя и помочь тебѣ непостыдно идти путемъ иночества. Отнынѣ ты—инокъ, иной человѣкъ, сопричтенъ къ лику инокующихъ.

Но пройдетъ немного времени и ты возвратишься къ своимъ прежнимъ занятіямъ студента духовной Академіи. Вѣдь и всѣ мы, принимавшіе монашество въ Академіи-ли или по окончаніи курса, всѣ мы проходимъ свое послушаніе на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и должностяхъ, на которыхъ были и раньше. Хорошо еще, что наша Академія находится въ стѣнахъ святой Лавры, и мы живемъ все же въ монастырѣ, а вѣдь иные изъ насъ и живутъ внѣ всякаго монастыря. Мы, академическіе монахи, лишь мимолетные гости въ обителяхъ иноческихъ. Гдѣ же наша инаковость, сравнительно съ другими людьми? Въ чемъ наше иночество? Не правы-ли тѣ, кто говоритъ намъ: „да какіе же вы монахи! Вы занимаете должности, какія до васъ и послѣ васъ нерѣдко занимали міряне! Вы просто чиновники, получающіе государственное жалованье!“ Что же? Можетъ быть намъ нѣтъ никакого оправданія? Можетъ быть иночество даже и по существу своему несомвѣстимо со служеніемъ Церкви?

Но сейчасъ, внимая твоимъ обѣщаніямъ, мы не слышали, чтобы ты отрекался отъ Церкви. Ты отрекался отъ міра страстей, но ты остался въ Церкви, потому-то только въ этомъ единомъ и нераздѣльномъ тѣлѣ Христовомъ возможно приходитъ въ мѣру возраста полноты совершенства Христова. Безъ Церкви и монахъ—ничто. А если мы члены тѣла Христова, мы не можемъ сказать другимъ членамъ: „вы намъ не нужны“. Апостоль Павелъ всякое наше дарованіе считаетъ дарованіемъ Духа, которое мы получили на пользу церковную, а не свою личную, такъ что всякое наше дарованіе должно обнаруживаться въ церковномъ служеніи.

Но если такъ, то въ чемъ же должна быть инаковость служенія монаха? Служеніе монаха должно быть инаково, сравнительно съ мудрованіемъ и настроеніемъ грѣховнаго міра.

Чего ради люди принимаютъ на себя тѣ или другія служенія? Прежде всего ради насущнаго пропитанія. Въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго со времени грѣхопаденія. Это лишь исполненіе Божественнаго опредѣленія человѣку—ѣсть хлѣбъ въ потѣ лица своего. И много родовъ дѣятельности человѣческой только этой нуждѣ въ насущномъ пропитаніи и удовлетворяютъ. Не избѣжать заботъ о насущномъ пропитаніи и тому, кто беретъ на себя служеніе церковное. Но здѣсь уже дурно, если эти заботы заслоняютъ собою самое дѣло Божіе, если онѣ стоятъ у человѣка на первомъ мѣстѣ, если среди нихъ даже забывается и пренебрегается самое Божіе дѣло. Увы! Въ мірскомъ обиходѣ такъ бываетъ нерѣдко, потому что тамъ иногда самое церковное служеніе принимается не ради Иисуса, а съ мыслью о пропитаніи. Монахъ и долженъ и можетъ служить Церкви иначе. Онъ—одинокъ и въ этомъ его преимущество. Не напрасно преп. Іоаннь Лѣвiticъ о людяхъ не-одинокихъ говоритъ, что они подобны имѣющимъ оковы и на рукахъ и на ногахъ (Сл. 1, 20). Монахъ оковъ не имѣетъ, онъ свободенъ и можетъ нищеты не отвращаться.

Но есть въ мірскомъ мудрованіи и несравненно худшее побужденіе къ дѣятельности, побужденіе уже чисто грѣховное. Часто въ дѣятельности ищутъ удовлетворенія своему самолюбію, честолюбію и властолюбію. Эти три погибельныя страсти, вмѣстѣ съ матерью ихъ гордостью, мірское мудрованіе назвало благородными и будто три ядовитыхъ змѣи переплетаются эти страсти въ жизни и дѣятельности мірской. Тамъ находятъ грѣховное самоуслажденіе по чину языческому даже и въ державѣ надъ купнородными. Вотъ почему всѣми мѣрами стараются достигать служеній все высшихъ и высшихъ, гдѣ больше этой власти надъ купнородными. При такомъ своекорыстномъ отношеніи къ своей дѣятельности люди сѣютъ вѣтеръ и пожинаютъ бурю. Какъ часто случается, что объединяются люди около добраго дѣла, но тотчасъ начинается у нихъ борьба „благородныхъ“ самолюбій, дѣло рассыпается, сердца ожесточаются, растетъ вражда

и утѣшаются только нечистые бѣсы. Путь монаха долженъ быть иной. вмѣстѣ со всѣми своими преподобными наставниками мы должны не словомъ только, но и дѣломъ исповѣдать, что гордость со своими исчадіями—самолюбіемъ, честолюбіемъ и властолюбіемъ—есть явленіе безъ остатка грѣховное, бѣсовское. Все это грѣховныя страсти, которыя не питать нужно и тѣшить, но съ которыми нужно бороться неустанно. Противъ этихъ страстей монахъ вооружается смиреніемъ. „Монахъ есть бездна смиренія“—говоритъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ (сл. 23, 27). При этой добродѣтели и на всякомъ мѣстѣ служенія монахъ ищетъ не своихъ си, а только того, яже суть Божія, и путь его по существу своему будетъ путемъ инымъ, хотя бы для не имѣющихъ духовнаго разсужденія онъ и казался во всемъ подобнымъ путямъ мірскимъ.

Итакъ, если хочешь оправдаться, стяжи смиренномудріе. Иначе всѣ наши оправданія будутъ словесами лукавствія. А хочешь стяжать смиренномудріе, знай, что памятованіе о своихъ согрѣшеніяхъ есть ходатай смиренномудрія, по слову того же преподобнаго (сл. 23, 28). Потому-то Господь даже великимъ подвижникамъ попускалъ впадать въ прегрѣшенія ради ихъ смиренія. У насъ нѣтъ нужды въ такихъ прегрѣшеніяхъ, ибо на цѣлый вѣкъ хватить уже совершенныхъ грѣхопаденій. О нихъ то не нужно забывать, отъ нихъ то не нужно взоровъ своихъ отвращать, но всегда ихъ зрѣть предъ очами своими и тѣмъ смирять свое горделивое сердце, охраняя его отъ помысловъ грѣховнаго превозношенія.

Смиренномудріе поможетъ тебѣ и вообще идти по пути иночества и достигнуть спасенія. Можетъ быть тебѣ, какъ и большинству изъ насъ, не придется алкати и жаждати, но придется—и это ужъ несомнѣнно!—досаду поднять и укоризну, поношеніе же и гоненіе, и инѣми многими отягочиться скорбями, имиже сущій по Бозѣ животь начертывается. Не будешь ты жаждать, но будешь въ изобилии имѣть „чистительное питіе безчестія“, о которомъ говоритъ преп. Лѣствичникъ. Міру ненавистно почему-то самое имя монаха и даже его внѣшній видъ. Для себя міръ давно уже счелъ необязательными и даже излишними всѣ добродѣтели, но къ монахамъ онъ очень строгъ. Мірской судъ надъ монахомъ жестокъ, пристрастенъ и беспощаденъ. На этомъ судѣ спра-

шиваютъ только о званіи и, когда услышатъ: „монахъ“, тотчасъ выносятъ обвинительный приговоръ и присуждаютъ къ позору и безчестію. Иноки, живущіе за высокими монастырскими стѣнами, имѣютъ предъ нами уже то преимущество, что до нихъ не всегда доходитъ этотъ заочный мірской судъ а мы и въ печати, и въ устной бесѣдѣ почти ежедневно и ежечасно слышимъ, какъ насъ судятъ, осуждаютъ и безчестятъ. Чѣмъ можемъ мы защититься отъ этого суда беззаконнаго? Смиреномудріемъ. Въ чемъ можемъ найти успокоеніе? Въ памятованіи о грѣхахъ своихъ. Будь всегда готовъ сказать словами аввы Павла: „Вижу себя утопшимъ въ грязи по выю и плачу предъ Иисусомъ моимъ, говоря: помилуй меня!“ Считаи себя окаяннѣйшимъ всѣхъ людей, низайшимъ всей твари и достойнымъ всякаго безчестія. Тогда глумленіе міра надъ монашествомъ и злобное его порицаніе, этотъ грѣхъ міра предъ монашествомъ обратится для тебя въ побужденіе къ покаянію, къ бодрствованію надъ собой, къ очищенію отъ страстей и пороковъ, къ воспитанію спасительныхъ добродѣтелей. Обращайся къ Богу чаще съ молитвой преп. Ефрема: „Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія!“ Тогда ты среди всякихъ условій и обстоятельствъ своей жизни и дѣятельности найдешь возможность непостыдно проходить путь иночества и оправдать, если не предъ людьми, такъ предъ Господомъ Богомъ свое званіе инока, въ которое ты нынѣ вступишь.

Архимандритъ Иларіонъ.
